

РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ*

В XVIII в. началась крупномасштабная промышленная колонизация Урала. Заводы творили вокруг себя собственный, «новый», особый мир. Вернее творцом его, как и славы уральского металла, способствовавшего превращению России в великую державу, стало горнозаводское население.

Стержнем любого сообщества, в том числе и горнозаводского, выступает его культурная уникальность. Поскольку культурное разнообразие возникает в результате приспособления к условиям существования социума и природы, то культура горнозаводского населения представляет собой адаптацию русской культуры к условиям ранней индустриализации и демонстрирует степень трансформации ее традиционных черт под воздействием производства. Речь идет о развитии русской культурной традиции через множасьее богатство реализуемых ею исторических возможностей.

Значимость проблемы обусловлена также признанием противостояния «современного» и «традиционного» глобальной проблемой нашей эпохи, «которая оказывает все возрастающее влияние на ход культурно-исторического процесса». Индустриализация считается одной из составляющих модернизационного процесса, под которым подразумеваются все политические, экономические, культурные, интеллектуальные трансформации, происходивших на Западе с XVI в. и достигших апогея на сегодня. Ей свойственен кардинальный характер изменений, обеспечивающих переход от традиционного общества и становление современности. Это - комплексный, системный, гомогенизирующий, необратимый, прогрессивный процесс. Базирующиеся на научном знании технологии и производства сменяют традиционный ручной труд и природные материалы; демократический политический режим - авторитарные и олигархические режимы, универсалистская система законов - обычное право; общественное положение, предписанное по рождению заменяется на социальный статус, достигаемый путем личных усилий, микролокализация социокультурной жизни - на ее рационализацию; партикуляристская, узколокальная философия человека - на универсалист-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 04-01-83107а/У)

кую. Сюда включаются также процессы урбанизации, бюрократизации, секуляризации, возрастания роли нации, демократизации образования и расширения доступа к нему, распространения массовой культуры, доминирующего влияния капитализма и появления высокодифференцируемых социальных структур.

С середины XX в. модернизация становится разновидностью теории социальной эволюции. Тогда предполагалось, что она, внедряя новые, прогрессивные формы деятельности, технологии и идеи, выступает средством ускорения, упрощения и облегчения пути в будущее. Новое становилось нормативным и должно было переноситься в другие страны и общества. Затем тезис о взаимоисключении традиции и современности подвергся сомнению. Было признано, что современное и традиционное «сосуществуют» в сегодняшнем обществе. Заговорили об амбивалентности традиционного и современного общества (не только современные общества включают в себя многие традиционные элементы, но и традиционные общества нередко обладают такими чертами, которые обычно считаются современными), о «сплаве» традиционных и модернизационных элементов в любом обществе. Оказалось, что традиции не обязательно препятствуют модернизации, а могут в чем-то и способствовать ей, таить в себе важные модернизационные потенциалы. В процессе глобализации мира традиционное не отмирало, а активизировалось. Стали подчеркивать возможность многомерного развития, когда модернизация осуществляется разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкивались.

Критика не означала отказа от теории модернизации вообще и деления обществ на традиционные и современные. Они стали характеризоваться различным соотношением «современного» и «традиционного», а модернизация стала рассматриваться не в качестве самоподдерживающегося, самопрогрессирующего, имеющего системный характер процесса, а как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности.

Появление и функционирование культуры горнозаводского населения связано с зарождением и развитием синтеза «традиционного» и «модернизационного» в условиях Урала до времени наступления модернизации «по всему фронту», а именно: на стадии существования «отдельных» индустриальных центров в «сплошной» аграрной среде. Индустриализация как часть модернизационного процесса стала для горнозаводской культуры системообразующим фак-

тором (также как урбанизация для формирования современной городской культуры), другие его элементы (та же урбанизация, рационализация и пр.) воздействовали на нее опосредованно, третьи - не имели никакого значения.

Признание того, что «культура выражается, актуализируется, аккумулируется в присущей ей традиции» привело к складыванию в отечественной историографии оригинального научного направления, представленное трудами К.В. Чистова, М.М. Громыко, И.В. Власовой, Н.А. Миненко, С.А. Арутюнова, Э.С. Маркаряна и других. Традиция воспринимается ими в качестве основы самоорганизации общества, считается исторической универсалией¹. В работах Б.Н. Путилова (по фольклору), К. В. Чистова (по фольклору и этнографии), С.А. Арутюнова и Э.С. Маркаряна (прежде всего по культуре жизнеобеспечения) изучался механизм функционирования культуры и порождения культурного разнообразия. За основу было взято понятие адаптации к различным условиям природной и социальной среды, порождающее «вариационное множество местных традиций» как форму существования культуры. Варьирование в свою очередь понималось как способ накопления резервов традиции, в которых заключены адаптивно-эволюционные возможности дальнейшего развития культуры. Следовательно, традиция рассматривалась с точки зрения динамического механизма порождения культуры. Благодаря ей создается множественность форм и принципов самоорганизации культурной жизни, повышающих адаптивный потенциал социума².

В историографии при изучении культурных реалий горнозаводского Урала наблюдается два различных подхода. Первый рассматривает развитие русской традиции в крае, сосредоточивая основное внимание на территории вообще (аналогично Русскому Северу, Сибири и другим регионам). В процессе расселения русского этноса на значительной территории, освоения им новых земель, становившихся частями единого государства, происходило воспроизводство определенных культурных традиций, сложившихся на первоначальной этнической территории. Традиционная культура русских под воздействием ряда факторов приобретала локальные областные особенности. К числу таких регионов относился и Урал, исследование которого с начала 1950-х гг. происходило в рамках программы изучения русской культуры предложенной специалистами академического Института этнографии (ныне — Институт этнологии и исторической антропологии РАН) имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Изучение Урала - прежде всего культуры жите-

лей его западных и северных районов, бывших мостом для переселения с Русского Севера в Сибирь (история заселения, занятия и хозяйственные традиции, жилые и хозяйственные постройки, одежда, семья, семейные отношения и семейные обряды) - и сопредельных территорий: Русского Севера и Сибири — позволило увидеть распространение и утверждение русской народной культуры на Урале в общероссийском контексте³. В трудах Н.Г. Чагина на примере этнокультурной истории региона конца XVI - первой половины XIX в., материальной культуры, мировоззрения и традиционной обрядности середины XIX - начала XX в. прослежена преемственность русских традиций на Урале, соотношение традиций и новаций⁴. В коллективной монографии «Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX вв.» сделан вывод о многовариантности форм материальной и духовной жизни внутри региона в целом, отдельных его зон и районов, существовании устойчивых локальных особенностей, местных вариантов. Вместе с тем отмечен высокий уровень сходства в сферах культуры и быта различных уральских территорий. В этих работах показано, что в освоении края «сошлись северная, средняя, западная, южная и даже малая Русь»⁵. Условно этот исследовательский ракурс может быть назван «крестьянским», поскольку в поле его зрения в первую очередь оказывается крестьянство, а горнозаводское население учитывается наряду с другими социальными группами.

Второй подход - «производственный», приверженцы которого склонны подчеркивать в условиях Урала специфику всего «горнозаводского». Особенно он присущ фольклористам (в этой связи примечательно почти полное отсутствие исследований по фольклору уральского крестьянства). Специфика горнозаводского населения обратила на себя внимание исследователей этнокультурной истории Урала. По мнению Р.Г. Кузеева, «длительное воздействие целого ряда специфических факторов (своеобразие природных условий горнолесного Урала, социального положения, образа жизни, в котором одинаково важное значение имели как работа на заводах, так и занятия сельским хозяйством, а нередко - промыслами и торговлей и т.д.) способствовало сложению горнозаводского русского населения в особую этнографическую группу». По доминирующему признаку он классифицировал ее как этносословную, однако подчеркнул, что формировалась она в результате смешения русских переселенцев из разных губерний и областей России; и в этом смысле являлась смешанной внутриэтнической. От более развернутых вы-

водов Р.Г. Кузеев воздержался, возможно потому, что считал горнозаводское русское население в этнографическом аспекте слабоизученным⁶.

В своей статье «Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII-XIX вв.» Н.А. Миненко высказала мнение о том, что «в условиях горнозаводского Урала складываются две этнокультурные общности, базирующиеся на русских народных традициях. Одну из них составляли крестьяне, для которых главным источником существования оставалось сельское хозяйство. Формирование русской крестьянской этнокультурной общности на Урале в основном завершилось к началу XVIII в.; ведущее значение при этом имели традиции севернорусского происхождения. Вторая общность объединяла горнозаводское население Урала». Ее основу составляли среднерусские традиции⁷. Уже название данной статьи: «Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала...» свидетельствует о возможности объединения этих двух подходов и рассмотрения развития русской культурной традиции в различных «средах». Так, Н.А. Миненко рассмотрела ее в ходе крестьянской, а затем промышленной колонизации. Наше исследование развивает предложенный подход и направлено на обнаружение в русской культурной традиции горнозаводской специфики.

Творцом культурного процесса, носителем русской культурной традиции на горнозаводском Урале выступает горнозаводское население края. Существование особого слоя населения, сформировавшегося на базе горнозаводской промышленности сомнений у историков не вызывает. Его формирование происходило благодаря высокому уровню социальной и географической мобильности жителей России. Со времени своего возникновения, занимая маргинальное, промежуточное положение по отношению к формальному делению российского общества, горнозаводское население стало играть важную роль в экономической жизни страны. Требования промышленного развития, интересы самого государства делали границы горнозаводской общности весьма растяжимыми, включая в нее новые социальные категории. Происходил процесс «выкраивания» горнозаводского населения из других социальных групп и встраивание его в социальную структуру страны.

Усилия властей по прочерчиванию четких границ между ними только увеличивали социальную «пестроту» горнозаводского населения. По наблюдениям В.И. Семевского, в XVIII в. «терминология крестьян «мастеровых и работных людей», составлявших неотъем-

лемую принадлежность фабрик и заводов, не отличалась единообразием, устойчивостью и определенностью»⁸.

В течении XVIII в. посредством переводов по указам казенных мастеровых, рекрутирования приписных крестьян, переводом «пришлых» в категорию «вечноотданных» и «сверстанных с крепостными» и подготовки специалистов из числа крепостных крестьян сложились постоянные квалифицированные кадры металлургических заводов.

Кодификация начала XIX в. (Устав горный) обещала более эффективное внедрение юридических отличий при создании категории, определяемой профессией, налоговыми обязательствам и правовыми привилегиями. Она институционально оформила имевшую место к тому времени структуру горнозаводского населения, в том числе возникшую еще в XVIII в. разницу между трудящимися частных, казенных и посессионных заводов⁹.

Правовую унификацию в качестве механизма создания новой общности продолжали использовать и в первой половине XIX в., когда с отменой приписки и заменой приписных крестьян непременными работниками заводы получили постоянные кадры вспомогательной рабочей силы. Практиковались переводы непременных работников в мастеровые, реже - престарелых мастеровых в непременные (с 1847 г. непременных на казенных заводах стали называть урочными). Формальные социальные определения продолжали оставаться нечеткими, толковались и переопределялись.

Так, лично свободные рабочие казенных округов рядом законодательных актов в первой половине XIX в. получили статус военнослужащих. Их состояние напоминало положение военных поселян в условиях горнозаводского Урала. Е.Г. Неклюдов дальнейшую эволюцию горнозаводского населения рассматривает в двух направлениях: «К середине XIX в. в результате процесса социально-правовой унификации окончательно определились различия в правовом положении рабочих всех типов горнозаводских округов. Это привело к появлению в масштабах всего региона особой социально-производственной группы - горнозаводского населения, зависимой от государства или частных заводчиков. Оформление же его в особое феодальное сословие не завершилось. В то же время под влиянием развития рыночных отношений началось его прогрессирующее расслоение»¹⁰.

В пореформенное время устойчивость сложившейся социальной системы осложнила процесс становления социально-классовой струк-

туры индустриального общества, поскольку и после падения крепостного права у законодателей (при обеспечении горнозаводских жителей землей) сохранилось, как отмечал Р. Попов, стремление «закрепить» получившее свободу население «по прежнему за заводами». Горнозаводской труд оставался основным источником существования «искусственно привязанного предыдущими историческими влияниями к горному промыслу, развитого им в исключительно одностороннем направлении» многочисленного горнозаводского населения¹¹. И.Х. Озеров выражал сущность данного населения еще определеннее: «улитка, присосавшаяся к своему камню», «от которого не может оторваться». «Мы - не фабричные, мы - горные, - жаловались ему рабочие во время кризиса начала XX в., - и нам работа со стороны заводоуправления должна быть дана»¹². Подобные высказывания горнозаводских рабочих явились результатом «долго внушавшегося им убеждения, что они принадлежат заводу»¹³.

Материалы ревизского учета населения позволяют составить представление о динамике численности работных и мастеровых людей на протяжении XVIII - первой половины XIX в. За 1719-1795 гг. (с первой по пятую ревизии) их число выросло с 11,9 тыс. до 86,4 тыс. человек, то есть более чем в 7 раз. С учетом «женской половины» данная цифра удваивается, давая примерно 200 тыс. жителей. Самыми быстрыми темпами эта категория населения увеличивалась до 1760-х гг. С окончанием к этому времени строительного бума, в период которого на территории края появилось 70 заводов, мастеровые и работные составляли около 11% населения Пермской и Оренбургской губерний. В последней трети XVIII в. их численный рост несколько замедлились. В начале XIX в. доля мастеровых и «непременных» работников в составе населения Урала равнялась 8% (около 100 тыс. душ мужского пола). В 1861 г. к горнозаводскому населению относилась десятая часть жителей края (300 тыс. душ мужчин, следовательно, 600 тыс. всех горнозаводских людей). В действительности их численность была больше (скорее 700 тыс.), поскольку заводские владельческие крестьяне официальной статистикой не учитывались. В пореформенный период число горнозаводских жителей увеличилось до 1 млн человек. Из них в Пермской губернии проживало 664 тыс., в Уфимской - 125 тыс., в Оренбургской - 114 тыс., в Вятской - 97 тыс.¹⁴

Уже в XVIII в. на предприятиях черной и цветной металлургии и в золотопромышленности трудились рабочие 250 специальностей разной квалификации. Особенностью производственного процесса яв-

лялось численное преобладание вспомогательных работников над основными. В железоделательном производстве их соотношение составляло 1 к 3, 1 к 4. А медь плавил только десятая часть общего контингента заводских кадров¹⁵. Тяжелый труд в «огненных цехах» был в состоянии вынести «совершенно особый тип заводского фабричного». К вспомогательным работникам относились те, которые «робили в горе», углежого, «транспортные» рабочие, поденщики, «черноделы», не имевшие определенной специальности или менявшие ее с каждым годом, сплавщики, и другой «работный люд», занятый в «караванной операции» - отправке судов с готовой продукцией в Европейскую Россию¹⁶.

«Общие закономерности формирования заводского населения в крае, географическая близость заводов, контакты между заводским населением, противопоставление заводского населения крестьянскому» служат весомым основанием для рассмотрения его в качестве «самостоятельного специфического субъекта исторического процесса в уральском регионе»¹⁷.

В силу многокультурности российского государства горнозаводской Урал изначально не мог быть монокультурным социумом. Усилению культурной мозаичности способствовали также различные места выхода мигрантов: Русский Север, Поволжье и другие, которым в свою очередь была свойственна складывавшаяся веками культурная пестрота. Переселение осуществлялось не на основе этнических групп. Наряду с местными уральскими жителями, которые в основном были выходцами с Русского Севера и Средней России ими стало население центральных уездов страны, Среднего Поволжья. Продолжались миграции с севера. Со временем на горные заводы начал активно проникать южно-русский «элемент». В первой половине XIX в. районы выхода мигрантов перемещаются на юг - в Воронежскую, Курскую, Рязанскую, Тамбовскую губернию. В Нижнетагильский округ переселяли украинцев¹⁸.

Культура горнозаводского населения Урала складывалась из множества традиций, привнесенных мигрантами с мест выхода. На правах одного из возможных вариантов они принимали участие в ее формировании и, только сосуществуя с множеством других, репрезентировали это культурное целое. Процесс принял интеграционно-консолидационную форму исчезновения различий в «верованиях, характере, привычках, идиотизмах и наречии» первопоселенцев.

«На Урале и теперь, - писал в 1870-х гг. Р. Попов, - не редкость встретить не только в одном заводском округе, но и в одном заво-

де, потомков представителей как самых разнообразных типов русского народа, так и инородческого, даже иноземного населения. Но вся эта разнохарактерность происхождения сгладилась под гнетом общей доли и выработалась в особый, все-таки характерный тип горнозаводского рабочего»¹⁹. Аналогичным образом объяснял происходившее на южноуральских заводах Ф. Д. Нефедов: «Заводы росли и размножались. К ним стягивались и прикреплялись рабочие люди: беглые, переселенцы, успевшие уже осесть и крестьяне покупаемые у помещиков и вывозимые заводчиками из внутренней России в Башкирию. Новая своеобразная жизнь зачиналась в заводах, - жизнь, полная нескончаемых печалей, но не лишенная и своих радостей; в течении более ста лет она складывалась и, наконец, сложилась в определенные формы, выработался тип заводского человека»²⁰. Случилось это, по его мнению, ближе к отмене крепостного права. Обращение к истории отдельных заводов помогает датировать появление общей культурной целостности более ранними сроками. Результаты культурной интеграции отразились уже в ответах на анкету Русского Географического общества середины XIX в. За сто лет существования Юговского завода Кнауфа его население так «между собой сблизилось, сроднилось, уравнилось, что нет никаких признаков различия». Заводчане перестали обращать внимание «на то, откуда их предки», а «живут и думают так, как будто бы они были коренные здешние жители», - свидетельствовал один из наблюдателей²¹. «Внучата переселенцев, - сообщали из Кушвы, - уже не похожи по наречию на своих дедушек и все говорят наречием общим, которое не в заводах именуется заводским и составляет наречие общее для всего Гороблагодатского заводского округа»²².

В.Ю. Крупянская и Н.С. Полищук также обнаружили «однородность материальной и духовной культуры» жителей Нижнего Тагила. «Преодоление локальных этнических традиций» не просто после переселения в новый район, но и вхождения в новую социальную группу произошло здесь за два-три поколения²³.

Измерять культурные трансформации поколениями начал еще Д.Н. Мамин-Сибиряк. Только его наблюдения более значимы, поскольку касаются не русских, а переселенцев с Украины. «По наружному виду, - отмечал он, - вы ничем не отличите хохла от других мастеровых коренного заводского населения, даже в одежде не сохранилось никаких особенностей. На такую метаморфозу завязанного хохла в уральского горнорабочего потребовалось всего 70-

Ю лет, т.е. смена четырех поколений. Женщины, конечно, дольше удерживают национальные особенности и в их говоре встречается больше хохлацких слов, но о запасах и плахтах давно и помину нет; их заменили яркие кумачные платки и ситцевые сарафаны, в каких ходят записные щеголихи кержанки»²⁴.

В литературе уже отмечалось, что чисто количественное увеличение притока как экзогенных, так и эндогенных инноваций (что имело место на горнозаводском Урале) приводит к качественным изменениям в плане обогащения общества новыми традициями и укорачивает сроки превращения инноваций в традиции²⁵.

Этот процесс можно проследить по эволюции основных элементов материальной культуры: жилищу, одежде, пище. На первых уральских заводах встречались одно-трехкамерные жилища, белые и черные избы, самцовые крыши. Распространение белых изб и стропильных конструкций в горнозаводских районах происходило быстрее, чем в сельских. В основном этот процесс шел в форме спонтанной трансформации за счет факторов внутреннего развития. Эволюция комплекса жилых и хозяйственных построек во всех регионах и зонах горнозаводского Урала происходила под воздействием общих коренных социально-экономических преобразований, которые привели к усреднению потребностей населения и отразились в унификации, стандартизации, выработке общих черт в типах, конструкциях и планировке. Природные условия края, оказались не настолько существенными, чтобы вызвать различие в типе жилища, ибо и ранее они влияли на него опосредовано - через тип хозяйства.

Затем эволюция жилища пошла по пути структурных изменений: от принципа функционального деления единого пространства избы по горизонтали и вертикали к разгораживанию помещения на отдельные части с выносом печи на середину или по линии пристройки к нему дополнительных срубов. Общим явлением стало выделение «чистой» половины, увеличения числа окон и размеров строений. Внешний облик домов стал разнообразнее и в связи с отменой снабжения льготной деловой древесиной приобрел характер социально-дифференцируемого признака. При всем многообразии типы жилищ, как и их планировка, исходили все таки из единых принципов построения и выполняли одни и те же функции. Виды, количество, структура и расположение хозяйственных построек продолжало соответствовать отраслевой структуре хозяйства населения.

Свидетельством усиления эстетической функции экстерьера жилища стала мода на наружную роспись. Однако, выглядевшие сна-

ружи «вполне прилично, даже нарядно», дома имели внутри «те же полаты, те же грубые деревянные лавки». На горнозаводском Урал имело место уже описанное на примере других культур явление максимальное следование новым образцам было допустимо в наружных, служащих целям презентации, частях жилища, а по мере проникновения в более интимные сферы интерьера нарастало число традиционных черт. Однако постепенно возобладало отношение и к предметам интерьера как показателям социального престижа. Усовершенствование отопительных устройств позволило не только белить, штукатурить, но и расписывать стены. Расцвет домовой росписи, а затем широкое распространение мебели в горнозаводских районах также наступило раньше, чем в деревне.

В «кодексе ношения» одежды горнозаводского населения оказалась представленной характерная черта функционирования русского народного костюма – многие виды верхней одежды и обуви носили как мужчины, так и женщины. Остальная одежда и головные уборы имели четкие гендерные «привязки».

Замена национального костюма урбанизированным европейским платьем началась с 1830-х гг. На этом этапе наблюдалось использование заимствованной одежды согласно традиционным навыкам и появление смешанных форм костюма, сочетание деталей в которых было не произвольным, а определялось престижными закономерностями: нарядный аксессуар (галстук, жилет) соседствовал с традиционными предметами костюма.

Возврат уральских рабочих в начале XX в. к «русскому костюму» исторически более старому и временно пребывавшему в относительном небрежении, чрезвычайно показателен для эволюции русской культурной традиции. И может быть объяснен с помощью предложенного С.А. Арутюновым «ротационного механизма престижных инноваций». Первоначально высокопрестижный элемент культуры – западноевропейское «платье» – постепенно завоевывает популярность у все более широких (и социально все более низких) слоев, вытесняя свой традиционный «функциональный аналог». Сделавшись общей нормой и соответственно потеряв престижный ореол, он создает предпосылки для повышенной социальной оценки и возрождения популярности почти исчезнувшего, ставшего редким, старого костюма. Подобный круговорот являлся важным фактором, позволяющим культурам ассимилировать многократные заимствования и на протяжении веков сохранить свою преемственность и самобытность, несмотря

на интенсивность иных культурных влияний. Он также опровергает традиционное видение модернизации в развитии культуры, показывая, что культурная эволюция не совершалась в форме линейного перехода от старого к новому или полной замены одного стиля одежды другим. Ее, скорее, следует рассматривать как сложный процесс переосмысления способов самовыражения - а в некоторых случаях и утраты их смысла - в рамках «культуры престижа», ибо модернизация осуществлялась на базе местных традиций и накопленного опыта.

Особенностью пищедобывающей стратегии и модели распределения пищи горнозаводского населения было гарантированное снабжение главным продуктом питания - хлебом и почти обязательное наличие приусадебного хозяйства. В этих условиях общерусские традиции питания приняли вид иерархически-структурного хлебно-молочно-рыбно-мясного «стола». Расширение ассортимента употребляемых продуктов происходило за счет покупных и выращиваемых на собственном участке (картофель). В пореформенный период доля и разнообразие первых увеличивались быстрее. В это же время пищедобывающая стратегия претерпела наиболее серьезные изменения в связи с отменой «льготного провианта». Две инновации: картофель и чай, особенно успешно превратились в традиции. Оба продукта вошли в повседневное употребление и, следовательно, в основу системы питания. Расширение спектра питания происходило также за счет превращения «местных» блюд в общие для всего горнозаводского населения (самый наглядный пример - пельмени) и обогащения традиционной кухни заимствованиями.

На горнозаводском Урале получили также развитие традиции русской духовной культуры - ритуальные, религиозные, фольклорные. Так, при всем разнообразии семейных обычаев и обрядов основные их элементы и композиция у горнозаводского населения были однотипными с общерусскими. Смешение различных по происхождению вариантов, принесенных из разных мест, являлось традиционным механизмом развития семейной обрядности. Творчество представителей различных конфессий в данной сфере можно рассматривать как более новационную черту. Не придерживающиеся официального православия конфессии отказывались от церковного обряда, создавая собственный сценарий. Они могли экспериментировать с элементами народной обрядности, подражать официальной церковной или использовать церемонии регистрации актов гражданского состояния.

Семейная обрядность горнозаводского населения Урала оставалась также местом пересечения приватной и публичной сфер. В ее среде наблюдалось разное отношение к структурным элементам обрядов, бывших явлением как общественного, так и семейного быта. В семейной обрядности как явлении духовной культуры действовала закономерность, уже описанная при исследовании элементов материальной культуры: общественная, общедоступная, более открытая для наблюдения сторона обряда менялась быстрее, чем ориентированная на семью, интимная его часть.

Семейные ритуалы приобретали не только обрядовый смысл, но стали восприниматься в своем общественном праздничном значении. Например, при отказе населения некоторых заводов от «плачей», свадьба стала превращаться в увеселительное мероприятие, праздник по поводу бракосочетания.

В горнозаводских районах одновременно действовало несколько традиций проведения праздника: церковная, народная, официальная государственная, городская. Некоторые результаты их взаимного переплетения - благодаря расширению сфер воздействия, заимствованию элементов друг у друга - вполне можно рассматривать как новации. В итоге понятие «праздник» отличалось большим многообразием - оно включало в себя почти все их виды, известные в России: воскресенья, общинные (церковные: престольные и Пасха с двенадцатыми, а также Святки, Масленицу, заветные, пятницы, брачины) и семейные торжества, особо значимые ритуальные дни, гуляния-сборища, официальные гражданские, производственные. Не по отдельным районам, что в целом было характерно для России, наблюдалась «неоднородность праздничной картины».

Поскольку празднества являлись средством презентации, сама культура их проведения стала мощным проводником новаций. Новые виды развлечений, досуга, игры, одежды, пищи в первую очередь появлялись и апробировались в горнозаводской среде в «праздничное» время. Новации были направлены на поддержания имиджа цивилизованности, обеспечивая экономическую и культурную привлекательность горнозаводской культуры в отличие от сельской провинциальной.

Наиболее новационным в культуре праздников населения горнозаводских районов следует признать явление их десакрализации. Секуляризация стиля и функции праздников проявлялась в переходе от мифологического онтологизма к чистой эстетике. Праздник стал восприниматься как игровое, эстетическое событие. Менялась

психологическая доминанта праздничности, восприятие праздников как календарной вехи (непрерывный цикл производства не останавливался на праздничные дни). Достаточно рано появились корпоративные праздники - дни рождения, юбилеи заводов, возникли праздники, связанные с трудовыми процессами («сплишка»). В процессе обмирщения времени и рационализации труда у заводчан появляется досуг, как его дополнение и противовес.

Динамично изменяющейся сферой культуры горнозаводского населения Урала оставалась религиозность, приобретая со временем тенденцию к ускорению темпов развития. Происходил непрерывный процесс возникновения «новых» вер, «ветвление» старых, ротация конфессий (оттеснение популярных ранее толков и направлений на периферию и, наоборот). Результатом чего стало многообразие религиозного опыта и широкий спектр конфессиональных практик. При анализе конфессиональной сферы исследователь сталкивается с неустойчивостью конфессиональной принадлежности, довольно свободным переходом из одной конфессии в другую, конфессионально-смешанным составом семей. Конфессиональный «ландшафт» горнозаводских районов отличался явно выраженным старообрядческим и иеговистским присутствием.

Занятия горным делом и металлургией способствовали вытеснению прежде всего из сознания мужчин «общерусских» «суеверий» (феноменов порчи, кликушества), которые стали прерогативой женщин. Однако «свято место» не осталось «пусто». Наиболее прочно связанная с горнозаводским производством мужская часть населения стала создателем, и в большей степени, по сравнению с женщиной, носителем промысловой магии и представлений о существовании различных зоо- и антропоморфных образов, олицетворявших богатство земных недр. Как известно, подобная «избыточность» технологических процессов, включающих «лишние» операции (ритуалы, заклинания, представления), сопровождала добычу и обработку металлов с глубокой древности. Поскольку участники производственного процесса облакали свои действия и реакции в древние мистические формы естественным образом и, не всегда подразумевая об этом, в условиях горнозаводского Урала, имело место спонтанное согласие между прошлым и настоящим (традиция), а не сознательная имитация прошлого.

Сосуществование «общерусских» и «горнозаводских» представлений являлось не только свидетельством увеличения фонда верований, а пребывания народных обрядов, магических действий и их

значений в непрерывном движении, их изменение, смешение, разрастание.

Устное поэтическое творчество горнозаводского населения, будучи частью национального фольклора, развивалась как на основе, так и в русле общерусских традиций. Ведущей чертой складывания горнозаводского фольклора стало смешение разнородных стилей, занесенных сюда из разных «областных центров». Традиционный фольклор в заводских условиях отличался «живучестью». Его богатый жанровый состав не только хорошо сохранился, но продолжал жить в своих наиболее архаичных формах. На его основе здесь возник особый фольклорный стиль. Оригинальное творчество рабочих ранее и отчетливее всего выразилось в преданиях - о строителях заводов; о разбойниках; «народных заступниках»; о «заводчиках», о жестоких управляющих, о генералах Протасове, Глинке. Горнозаводской фольклор имел также тайные сказы, песни, бывальщины, побаски.

У горнозаводского населения сложился новый творческий принцип - фотографичное, зеркальное отображение действительности. Стиль горнозаводского фольклора в отличие от традиционного стал реалистическим. В фольклоре получают подробное и точное отражения аспекты производственной и общественной жизни рабочих. Таким образом, развитие горнозаводского фольклора складывалось из двух потоков: творчески переработанных общенациональных произведений и бытующих только в рабочей среде, сочиненных рабочими.

«Новое» не производилось с одинаковой скоростью во всех секторах горнозаводской культуры. «Колеса» различных механизмов культуры горнозаводского населения Урала двигались с разной скоростью, приводя к увеличению ее внутреннего многообразия. Наряду с многоуровневой темпоральностью элементам культуры была присуща не одинаковая вариативность в разных «средах». Различия в скорости изменений зависели также от ценностных и эстетических и сопряженных с ними знаковых и престижных функций. Происходило не снижение, а повышение ритуально-знаковой нагрузки на компоненты культуры (диверсификация ассортимента престижных блюд, повышение эстетической функции в общих затратах на жилище, появление эстетической и престижной функции у центра поселения и даже у поселения в целом). Престижная цель деятельности горнозаводских жителей состояла в достижении не отличия, а подобия по принципу «как у всех», «как у людей». Данная установка

превращала пищу, одежду, жилище в статусные знаки равенства и способствовала унификации культуры.

Обращают на себя внимания постоянно повторяющиеся высказывания современников об унификации, стандартизации культурных явлений в горнозаводской среде, пишет ли Д. Н. Мамин-Сибиряк о том, что заводские поселки похожи, «как две капли воды» или о рядах одинаковых домиков их жителей, сообщает ли Н.С. Попов о сходстве «заводского наряда» в связи с «заимствованием» его из признанных заводских центров «моды». Подобные свидетельства позволяют интерпретировать происходящее как генеративный процесс «отвердения» форм горнозаводской культурной традиции результат которого урядник Нижне-Исетского завода Ждановский в 1855 г. обозначил следующим образом: «Все мастеровые и семейства их наружность, домашний быт, одежду, нравы, обычаи и обряды, пищу и пр. имеют совершенно согласно с прочими мастеровыми»²⁶.

Культура горнозаводского населения Урала является конкретно-историческим явлением, исторически жестко обусловленным. Она сформировалась на основании уже существующих традиций, доставшихся ей в наследство. «Наследство» это выступает одним из наиболее важных элементов при определении природы данной культуры. Запасом ресурсов и возможностей, резервуаром идей, на основе которых культура горнозаводского населения, используя свои креативные способности, формулировала собственную идеологию, осмысляла и производила отбор элементов, расставляла акценты, соединяла добавленное новое во взаимосвязанную систему была общерусская народная культура. Кажущаяся новизна ее феноменов не была абсолютной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лурье С.В. Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия // ОНС. 1997. № 2. С. 146.

2. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. М., 1986. С. 118, 160-161; Арутюнов С.А. Адаптивное значение культурного полиморфизма / / ЭО. 1993. № 4. С. 48.

3. На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989; Традиционная народная культура населения Урала. Пермь, 1997; Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М., 2001; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII - середина XIX в. М., 1981; Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII - первая половина XIX в. М., 1991.

4. Чагин Н.Г. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала середине XIX - начале XX века (этнические традиции материальной жизни). Пермь, 1991; Он же. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX век Пермь, 1993; Он же. Этнокультурная история Среднего Урала в кони XVI - первой половине XIX века. Пермь, 1995.

5. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX в Екатеринбург, 1996. С. 8.

6. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 199 С. 275.

7. Миненко Н.А. Традиционная русская культура в условиях горноз водского Урала XVIII-XIX вв. // Уральский исторический вестник. № Культура провинциальной России. Екатеринбург, 1995. С. 31.

8. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екате рны II. Т. 1. СПб, 1903. С. 532-533, 603.

9. Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой полови XIX в. Челябинск, 1995. С. 132-139.

10. Неклюдов Е.Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой полов не XIX в.: социоэкономическая характеристика // Ученые записки Ни нетагильского государственного педагогического института. Гуманита ные науки. Вып. 2. Нижний Тагил, 2001. С. 23.

11. Попов Р. Горнозаводский Урал // Отечественные записки. 187 № 12. С. 246, 361-364.

12. Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 18, 38, 244.

13. Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. СПб, 1909. С. 106.

14. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 29 312 - 313, 428-429; История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 10

15. Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности Ро сии XVII-XIX вв. Свердловск, 1988. С. 101.

16. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // Мамин-Сибир; Д.Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 52, 113; Он же. Горное гне до // Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. Роман. Встречи. Очерки рассказы. Свердловск, 1981. С. 94-95.

17. Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозавод ком Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 6-7; Черных А.В. Ст рообрядчество южных районов Пермской области в контексте этн культурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья: Пробл мы комплексного изучения. Пермь, 2001. С. 146.

18. Миненко Н.А. Традиционная русская культура... С. 28-29.

19. Попов Р. Указ. соч. С. 331.

20. Нефедов Ф.Д. В горах и степях Башкирии // Башкирия в ру ской литературе. Т. 2. Уфа. 1964. С. 167.

21. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 - 1 об.

22. Там же. Д. 17. Л.1.

23. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX - начало XX в.). М., 1971. С. 242-243.
24. Сибиряк Д. Бойцы. Очерки весеннего слага по реке Чусовой // Отечественные записки. 1883. № 7. С. 12.
25. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 164.
26. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1511. Л. 6.